УДК 101.1:316 + 101.8

«ВДУМЧИВОЕ НЕПОНИМАНИЕ» КАК ТОЛЕРАНТНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ХОЛИЗМА

Гредновская Елена Васильевна,
Южно-Уральский государственный университет,
заведующий кафедрой философии,
кандидат философских наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: grednovskaiaev@susu.ru

Аннотация
В статье рассматривается значение феномена непонимания в практике мыслительной деятельности. Актуальность статьи определяется особенностями развития философского знания в современном мире, указывающими на возникшую необходимость трансдисциплинарного взгляда на мир и человека, в связи с чем в настоящее время в научном познании формируется парадигма, обозначаемая как холистическая. Исходя из этой установки, в статье ставится цель обосновать ценность феномена непонимания в мыслительной деятельности возможностями категориального ресурса понятия «толерантность» и холистического мировидения. В заключение делается вывод о том, что толерантность в первую очередь предстает как терпимость к собственному мышлению познающего субъекта, что и становится условием терпимости к Другому, и как результат – условием сопричастности целостности, преображающей человека.

Ключевые понятия:
понимание,
герменевтика,
толерантность,
холизм,
самосвидетельствование.

Когда мы понимаем, что чего-то не понимаем, мы, конечно, в первую очередь подразумеваем некоторую ущербность мыслительного процесса, своего рода его невыполненность в отношении каких-либо интеллектуальных задач. Однако не обязаны ли мы новым раздвинувшимся границам самопостижения именно этому разрыву, зазору, недостаточности, которое мы привычно легко именуем «не-пониманием»? Не является ли эта изнанка «распаковки» смыслов фундаментальным основоположением, тайно связывающим своим разрывом «пазлы» сознания, жаждущего быть целостным? Не является ли этот зазор той самой «вмещающей пустотой», которую выявляет хайдеггеровский гончар, производящий чашу, высвобождая тем самым в ее открывшемся пространстве сущность самой вещи [9]?

Если обратиться к краткому обзору «карьеры» категории «непонимания» в истории философской мысли, то можно обнаружить, что ее проблематика традиционно раскрывалась в смысловом поле исследований, посвященных пониманию: в античных произведениях, связанных с толкованием текстов древних философов, где присутствие непонятности не уменьшало их ценности в глазах античных мыслителей; в эпоху Возрождения – в логике задач, связанных с пониманием как воспроизведением смысла, как «восполнение непонимания», практически в виде филологической герменевтики; в Средние века – в связи с необходимостью правильного истолкования библейских текстов и их перевода с одного языка на другой в рамках теологии и экзегетики; в Новое время непонимание рассматривается представителями философского эмпиризма и рационализма как срыв акта познания, прерывание понимания; в немецкой классической философии и неокантианстве, где «понимание» являлось исходным и всеобъемлющим основанием, «непонимание» предстает как исключение из правила.

В дальнейшем же в истории философии осмысление понимания (и, соответственно, непонимания), соприкоснувшись с исследованиями процессов мышления, познания, сознания, самосознания, рефлексии (Ф. Шлейермахер, В. Виндельбандт, Г. Риккерт, В. Дильтей, М. Вебер),

и будучи представленным как результат процесса познания и исходной цели мышления, стало определяться еще и как интерпретация, объяснение, процесс рассуждения, диалог и результат научного поиска. Очередной этап в развитии данной проблематики связан с заслугой М. Хайдеггера, который вводит в философию понятие «предпонимание». Именно осознание того, что человек живет в мире переизбытка информации, схем и концептуализаций, приводит к тому, что резко возрастает потребность в поиске соответствующего «языка понимания», достоверной интерпретации контекста и подтекста высказываний. Но здесь, согласно Хайдеггеру, множественность интерпретаций, и даже их конфликт, затрудняющие процесс понимания, являются не пороком, а даже достоинством познавательного процесса, образующего суть интерпретации [4], что и позволяет вести речь о неком специальном состоянии языкового выражения, а вовсе не о его неполноте или ущербности.

Однако к предложенному предельно краткому историко-философскому обзору категории непонимания хотелось бы добавить еще один аспект ее рассмотрения, выражающийся в понятии *толерантность*, в силу того что непонимание, как интеллектуальная и равноправная наряду с другими практика мыслительной деятельности, на наш взгляд, содержит в себе мощный ресурс толерантности.

Обращаясь к значениям понятия «толерантность» (от лат. tolerantia – терпимость), которое прежде всего характеризует качество, выражающее отношение к другому человеку как к равнодостойной личности, специально отметим те из них, которые являются существенными именно в нашем случае, а именно: настроенность на *понимание* и *диалог* с Другим, признание и уважение его права на отличие *во взглядах и идеологии*, принятие и правильное понимание богатого *многообразия* культур, форм *самовыражения* и *способов проявлений* человеческой индивидуальности, а также *отказ от догматизма и абсолютизации истины.*

Вполне очевидно, что все приведенное выше наглядно раскрывает аспект терпимости именно к *сознанию* Другого, где не-понимание, как определенное состояние мышления, реализуется в модусе внимательного сосредоточения, вдумчивой неспешности, готовности к необходимому ожиданию, в готовности рассматривать, а не отбрасывать «все, что не понятно» в мышлении Другого и т. п. Не претендуя на авторство формулировки *«вдумчивое непонимание»* [4], мы, тем не менее, вкладываем в нее в данном тексте именно вышеприведенные значения, т. к., на наш взгляд, в них наиболее очевидно выявляется тот необходимый уважительный настрой признания Иного, который и раскрывает ресурс толерантности именно в мыслительных процедурах. Таким образом, для нас «вдумчивое непонимание», рассмотренное как толерантность, – это «понимание» с позиции терпимости к сознанию Другого, то есть это терпимость к такому состоянию мышления Другого, которое раскрывается *не сразу, не полностью, и не очевидно,* это терпимость к недостатку понимания в практике диалога и интерпретации, выраженная, повторим еще раз, в установке сосредоточенной вдумчивости, поддерживающей мыслительное пространство терпеливого ожидания, в силу чего оно способно реализовать еще и задачи холистической аргументации и холистического мировидения.

Для обоснования нашего утверждения напомним, что «холизм» (понятие греческого происхождения) означает «целый», «весь», имея при этом и узкое, и широкое свое толкование. В узком смысле под «холизмом» понимают «философию целостности», разработанную южноафриканским философом Я. Смэтсом, который и ввел в 1926 году этот термин, где теория холизма рассматривает идею «целостности» в качестве главной и реальной черты мирозданья, в то время как части – являются нереальными и представляют собой лишь некие абстрактные различения. В широком смысле – это позиция в философии и науке по проблеме соотношения части и целого, исходящая из качественного своеобразия целого по отношению к его частям. Холизм, таким образом, представляет собой широкую мировоззренческую позицию, по-разному проявляющуюся в различных областях, так, например, в онтологии он опирается на принцип: целое есть нечто большее, чем простая сумма его частей, а в гносеологии – на принцип:

познание целого должно предшествовать познанию его частей. На современном этапе развития общества в научном познании уже формируется парадигма, которую называют целостной, холистической, системной, или экологической, согласно которой принципы холизма призывают не к власти над реальностью, а к сотрудничеству и сотворчеству с ней.

Итак, на наш взгляд, «вдумчивое непонимание», рассмотренное как толерантное мышление, то есть как вариант неагрессивного ненасильственного мыслительного сотрудничества с сознанием Другого, способно наиболее полно реализовать ресурс холистического миропонимания. Но как именно может быть реализован этот ресурс в практиках мыслительной деятельности самопознания и саморефлексии? Что предлагает на этот счет философский дискурс?

С нашей точки зрения, холистический ресурс может быть раскрыт как минимум в трех мыслительных процедурах: в первую очередь в практике *самопознания (самоосмысления) как «заботы о целостности* (Сократ, М. Фуко); во-вторых, в *регистрах мышления,* определяющих логику целостности (М. Хайдеггер, Л. Витгенштейн, М.К. Мамардашвили); и, наконец, в *самосвидетельствовании* как условии толерантности (Р. Декарт, М. Фуко). Именно к обозначенному ряду философов, которые осуществили наиболее плодотворное и наиболее радикальное осмысление опыта не-понимания, нам и хотелось бы обратиться.

Процедура самоосмысления, сформулированная нами вслед за М. Фуко как «забота о целостности», в авторской терминологии в работе «Герменевтика субъекта» [7] предстает как практика «заботы о себе», где забота о собственном Я, как целостный духовно-материальный процесс, есть забота о целостности всего человеческого существа. С точки зрения М. Фуко, призыв Дельфийского оракула «Познай самого себя!» сопровождался именно требованием «проявить заботу о самом себе». Такой тип философского мышления, подчеркивает Фуко, наиболее ярко воплощен в учении Сократа, который разговаривает с людьми на улицах, обращается к молодежи с одним вопросом: *заботишься ли ты о себе?* И этот вопрос крайне важен, ибо он подразумевает отказ от некоторых более прибыльных видов деятельности, например, ведения войны или исполнения государственных обязанностей, которые отнюдь не связаны с поиском и обретением целостности.

Сам же Сократ, как указывает уже К. Ясперс [10], реализуя этот призыв, не дает знания, а предоставляет возможность произвести его другим. Поэтому человек, еще не обладающий подлинным знанием, но способный с помощью Сократа придти к осознанию своего незнания, оказывается в состоянии обрести такое знание в себе самом, извлекая из глубин сознания *то, что он уже знал, но не подозревал об этом.* Следовательно, философствуя, человек ищет то, что уже знает, но пока лишь бессознательно припоминает, и хочет знать это со всей ясностью сознания. Таким образом и можно «собирать» неочевидные, «плохо понимаемые», либо «вообще еще непонимаемые» части самого себя.

Условия целостности субъекта и ее «сборки», с точки зрения философов, могут быть связаны не только с самой процедурой самоосмысления как таковой, но и с особыми состояниями мыслительной деятельности, которые можно назвать регистрами мышления. Так, в тексте «Отрешенность», содержащем выступление М. Хайдеггера, сделанное в 1955 году, философом рассматриваются два вида мышления [8], где существование каждого из них оправданно и необходимо для определенных целей: вычисляющее (частный вид) мышление и осмысляющее раздумье.

Вычисляющее (калькулирующее) мышление, являясь выражением планирующего мышления, и будучи крайне полезным в практической жизни, тем не менее, по мысли Хайдеггера, «не способно подумать о смысле, царящем во всем, что есть» [8], ибо концентрируясь на локальных задачах, оно попросту «не распознает» целостность бытия, а, следовательно, и потенциальную целостность человека. Однако в противоположность калькулирующему мышлению существует еще осмысляющее раздумье, которое «не поможет нам справиться с повседневными делами», т. к. «оказывается бесполезным в практической жизни», которое «само не получается», ибо «для него необходимы высшие усилия» [8]. Но

именно это мышление, с точки зрения Хайдеггера, делает человека – человеком, взращивает его, сохраняет его сущность, тем самым воспроизводя его целостность, ибо именно оно «видит» мирозданье во всей его целостности, и экзистенцию человека в нем как «бытие-при-внутримировом-сущем».

На две разновидности мышления также указывает и М.К. Мамардашвили в работе «Идея преемственности как философская традиция» [5]. Философ подчеркивает, что выполнение логической операции еще не означает выполнения акта мысли, так как это может быть и псевдоакт, лишь похожий на мысль, имитирующий ее в виде филологического резюме, механической формулы, штампа, которые можно лишь просто повторять и тиражировать. И так как духовное производство теперь стало массовым, и «философия обросла *мыслеподобными, квазимыслительными* образованиями» [5], исходный жизненный смысл философствования, полагает Мамардашвили, исчез в системе университетской, академической передачи знаний и был подменен самокручением терминологической машины. Но, несмотря на то что эта «терминологическая машина» не может не существовать, все же не должен исчезать изначальный жизненный смысл философии как таковой, «с ее отвлеченным языком, создающим пространство как возможность помыслить то, что я мыслю» [5].

И вот именно эта реализованная возможность всего лишь *«помыслить то, что я мыслю»*, реализованная (добавим мы) в каком-то самом изначальном, самом своем первородном, очевидном и почти примитивном акте обнаружения у себя разума, создает пространство, в котором, уже согласно М. Мамардашвили, «воссоздается личность, способная самостоятельно думать, принимать решения, воссоздается классическая мужественная душа, способная держать невозможную, над необратимой реальностью невластную, но, тем не менее, мыслимую мысль, держать, не впадая ни в революционерство, ни в теургию» [8]. Именно здесь и «воссоздается мыслящий» как существо целостное.

Крайне любопытную характеристику того, что мы назвали «регистрами мышления», можно найти у Л. Витгенштейна, в его рассуждениях о философских *суперфразах*, или *сферх-высказываниях*, которые традиционно еще именуют *метафизическими* [1]. Философ обращает внимание на то, что в самом человеческом интеллекте глубоко укоренена склонность время от времени прибегать к фразам подобного рода, то есть не высказывать что-то конкретное, а провозглашать нечто «глубокомысленное», делать некое философское заявление. В подобном случае, поясняет Витгенштейн, размышление о чем-то реальном на какое-то время прерывается, и вместо этого внимание концентрируется на самом интеллекте, на его концептуальном аппарате и «связках» понятий, где философские фразы выполняют роль фраз–правил, «вклинивающихся» в рассуждение как ступеньки для перехода к следующей его стадии. Именно поэтому в таких случаях люди и изрекают особые супер-фразы философского (метафизического) характера, которые совершенно не проясняют конкретной эмпирической ситуации, но, тем не менее, выводят к скрытым фундаментальным основаниям ситуации в целом [3].

Последний аспект проблемы, предложенный нами для рассмотрения, был намечен в терминологии «самосвидетельствования как условия толерантности». В первую очередь здесь имеет смысл сказать о том, на что указывает М. Фуко: человек, проявляя заботу о себе в акте самопознания, *сам* является своим *собственным объектом*, становится *самоцелью* [7], в силу чего проблема поиска истины для философов, связанная с задачей трансформации субъекта им самим, может быть отрефлексирована в следующей форме: *каким образом я должен преобразовать свое «Я», чтобы получить доступ к истине?* [7]. Здесь и становится крайне важной процедура, которую в философском дискурсе принято обозначать как *«самосвидетельствование»,* т. к. условия и возможность указанной М. Фуко трансформации напрямую зависят от осуществления этого акта внутреннего свидетельствования собственного Я.

Каким именно образом становится возможным выполнение этих условий (лучше сказать, – предусловий) – наиболее и эффективно сформулировал, как

известно, Р. Декарт. Так, отечественный философ В.Ю. Сухачев в работе «Страсти по Декарту: между метафизикой cogito и телесной практикой» [6], в этой связи указывая на ряд крайне важных моментов, подробно рассматривает предпринятую Декартом процедуру «вынесения за скобки» вещей, людей и Бога в его картезианском сомнении. Сухачев обращает особое внимание в этой концепции на принципиальное *незнание как отказ от знания вещей*, которое только и может открыть пространство, где «создается знание о Я», что и определяет «предусловия самосвидетельствования», ибо только в этом *«забвении вещного мира»* и может родиться Я [6]. Именно здесь и возникает знаменитое сомнение Декарта, который не хочет принимать никакого подтверждения истинности cogito, идущего «снаружи», ибо основой познания может быть только *самопознание* [2], – настаивает философ, – опыт существования, мышления, сомнения, практикуемые Я, и только *акты, исполняемые самим Я,* могут взять на себя роль быть *внутренним свидетельством,* так как никакого внешнего свидетельства попросту быть не может, ибо опыт свидетельствования, идущий от чего-то «не внутреннего», от чего-то, не принадлежащего Я, будет всегда разворачиваться «по ту сторону» и свидетельствовать о чем угодно, только не о моем Я [6].

Таким образом, рассмотренные нами идеи могут стать основанием для вполне нетривиального вывода: толерантность мышления, инициированная заботой индивида о целостности собственного духовного (мыслящего) Я, как мы увидели, обусловлена тем, что можно назвать *всеприятием* мыслительных процедур, ибо сюда входят ошибка и непонимание, невысказываемость и недосказанность, «монолог, внешне выглядящий как молчание» и «бесполезность» глубокого раздумья и т. п. Но помимо всего перечисленного, она включает еще и *самосвидетельствование собственного мышления,* содержащее в себе целую серию когитальных актов, дестабилизирующих, разрывающих явленную очевидность рациональной «понятности» в познавательном процессе. И так как мы ведем речь о регистре *всепринимающего мышления,* то в отношении себя самого оно предстает как терпимость *к собственным мыслительным процедурам*, к их многообразию, непредсказуемости, неоднозначности, предстает как терпимость к тому, что и оно само раскрывается «не сразу, и не полностью, и не очевидно», и оно само требует «вдумчивого ожидания», «ожидающего непонимания» и уважительного настроя к неясности, неточности, трудноуловимости, а порой и ошибочности порождаемого нового знания в пространстве *своего же собственного* сознания. Именно это и становится условием терпимости к Другому, условием подлинной толерантности. Так «забота о себе» оборачивается возможностью «заботы о ближнем», утверждает Фуко [6]. Так забота о собственной целостности (завершим уже мы), становясь в процессе преображения субъекта заботой о целостности Другого, позволяет человеку обрести холистические основания бытия в мире, предназначенного не для власти над реальностью, а для сотрудничества и сотворчества с ней.

1. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Электронный ресурс] / Л. Витгенштейн. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000272/ (дата обращения: 15.01.2016).

2. Декарт, Р. Рассуждение о методе [Электронный ресурс] / Р. Декарт. URL: http://psylib.org.ua/books/dekar01/ (дата обращения: 15.01.2016).

3. Козлова, М.С. Был ли Л. Витгенштейн логическим позитивистом? (К пониманию природы философии) [Электронный ресурс] / М.С. Козлова. URL: http://iph.ras.ru/page50370753.htm (дата обращения: 15.01.2016).

4. Куклин, И. Вдумчивое непонимание: возвращение герменевтики [Электронный ресурс] / И. Куклин. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2003/61/kuku.html (дата обращения: 15.01.2016).

5. Мамардашвили, М.К. Идея преемственности и философская традиция [Текст] / М.К. Мамардашвили // Как я понимаю философию. М., 1989. С. 263–269.

6. Сухачёв, В.Ю. Страсти по Декарту: между метафизикой cogito и телесной практикой [Текст] / В.Ю. Сухачёв // Вестник Псковского Вольного Университета. 1995. Том 2. № 4. С. 18–29.

7. Фуко, М. Забота о себе и самопознание [Электронный ресурс] / М. Фуко // Герменевтика субъекта. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000553/ Полная версия книги: http://royallib.ru/book/fuko_mishel/germenevtika_subekta.html (дата обращения: 15.01.2016).

8. Хайдеггер, М. Отрешенность [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер. URL: http://philosophy.ru/library/heideg/estr.html (дата обращения: 15.01.2016).

9. Хайдеггер, М. Вещь [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер. URL: filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000286/ (дата обращения: 15.01.2016).

10. Ясперс, К. Сократ [Электронный ресурс] / К. Ясперс // История философии. Вып. 10. 2003. URL: http://iph.ras.ru/page51966421.htm (дата обращения: 15.01.2016).

References

1. Vitgenshtejn L. (2014) Logiko-filosofsky treatise. Ehlektronnaya biblioteka po filosofii, 14.05.2014, available at: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000272/ (accessed 04.09.2016) [in Rus].

2. Dekart R. (2013) Reasoning on a method, Psylib, 07.07.2013, available at: http://psylib.org.ua/books/dekar01/ (accessed 04.09.2016) [in Rus].

3. Kozlova M.S. (2016) Whether there was L. Wittgenstein the logical positivist? (To understanding of the nature of philosophy), Institut Filosofii Rossijskoj Akademii Nauk, 2007–2016, available at: http://iph.ras.ru/page50370753.htm (accessed 04.09.2016) [in Rus].

4. Kuklin I. (2003) Thoughtful misunderstanding: return of a hermeneutics, Zhurnal'nyj zal, 2003, no. 61, available at: http://magazines.russ.ru/nlo/2003/61/kuku.html (accessed 04.09.2016) [in Rus].

5. Mamardashvili M.K. (1989) Idea of continuity and philosophical tradition (As I understand philosophy). Moscow, pp. 263–269 [in Rus].

6. Suhachyov V.Yu. (1995) *Vestnik Pskovskogo Vol'nogo Universiteta,* vol. 2, no. 4, pp. 18–29 [in Rus].

7. Fuko M. (2016) Care of itself and self-knowledge (Subject's hermeneutics), Ehlektronnaya biblioteka po filosofii, 04.09.2016, available at: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000553/ (accessed 15.01.2016) [in Rus].

8. Hajdegger M. Detachment, Bol'shaya besplatnaya biblioteka, available at: http://philosophy.ru/library/heideg/estr.html (accessed 04.09.2016) [in Rus].

9. Hajdegger M. Thing, Ehlektronnaya biblioteka po filosofii, 04.09.2010, available at: filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000286/ (accessed 04.09.2016) [in Rus].

10. Yaspers K. (2003) Socrates (Philosophy history)? Institut Filosofii Rossijskoj Akademii Nauk, vol. 10. Moscow, IF RAN, 2003, available at: http://iph.ras.ru/page51966421.htm (accessed 04.09.2016) [in Rus].

UDC 101.1:316 + 101.8

«THOUGHTFUL INCOMPREHENSION» AS TOLERANCE OF THINKING IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF HOLISM

Grednovskaya Elena Vasilyevna,
South Ural State University,
Head of the Department
Chair of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: grednovskaiaev@susu.ru

Annotation
The article considers the concept of the phenomenon of incomprehension in the practice of mental activity. The topicality of the article is defined by peculiarities of development of philosophic thought in modern world, pointing at the necessity of transdisciplinary view of life and a man in connection with which there is a paradigm forming in scientific cognition at present, known as holistic. Proceeding from this paradigm the article is aimed at proving the value of the phenomenon of incomprehension in mental activity with the help of possibilities of categorical resource of the notion tolerance and holistic worldview. The author makes a conclusion that tolerance is presented as liberality towards a perceptive subject's own thinking which becomes a factor of tolerance towards the Other and as a result – a factor of immersiveness into the Whole transforming a man.

Key concepts:
comprehension,
germeneutics,
tolerance,
holism,
self-incrimination.